

Научное наследие

УДК 39:910.4(470.13)"1961"

DOI 10.19110/1994-5655-2025-8-130-136

Первая стационарная этнографическая экспедиция Л. Н. Жеребцова (Ижемский район, 1961 год). К 100-летию со дня рождения ученого

И. Л. Жеребцов

ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,

г. Сыктывкар

zherebtsov@mail.illhkomisc.ru

Аннотация

Публикация посвящена первой стационарной экспедиции коми этнографа Л. Н. Жеребцова, состоявшейся в 1961 г. Отряд из двух человек работал в Ижемском районе и собрал значительный материал, характеризующий культуру и быт ижемцев в середине XX в. и вошедший в научный отчет, подготовленный Л. Н. Жеребцовым. Впервые публикуются фрагменты этого отчета, касающиеся поселений, жилищ, народной одежды и пищи ижемцев.

Ключевые слова:

Любомир Николаевич Жеребцов, этнография, коми, ижемцы, традиционная пища, народная одежда, поселения, жилища

Один из основоположников современной коми этнографии Любомир Николаевич Жеребцов (15.10.1925–17.02.1991) выбрал свой научный путь по совету выдающегося коми гуманитария-энциклопедиста А. С. Сидорова. Именно А. С. Сидоров в 1949 г. порекомендовал начинающему ученому, выбиравшему между археологией и этнографией, сосредоточить свое внимание на этнографии [1, с. 24]. Л. Н. Жеребцов поступил в аспирантуру Коми филиала АН СССР, но основное время учебы провел в Москве, где работал над диссертацией под руководством видного советского антрополога Н. Н. Чебоксарова. Уже в период учебы в 1950 г. он принял участие в первой этнографической экспедиции, которой руководила ведущий специалист того периода по этнографии народов коми В. Н. Белицер (в 1958 г. выпустившая фундаментальный труд «Очерки по этнографии народов коми» [2]). В последующие годы Л. Н. Жеребцов принял участие во многих экспедициях. В частности, в 1956–1959 гг. он и его коллега и ровесник Л. П. Лашук работали на Сыsole, в Прилузье и на верхней Вычегде. Их совместными экспедициями ру-

Scientific heritage

The first stationary ethnographic expedition of L. N. Zherebtsov (Izhma region, 1961). Dedicated to the 100th birth anniversary of the scientist

I. L. Zherebtsov

Institute of Language, Literature and History, Federal Research

Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS,

Syktывkar

zherebtsov@mail.illhkomisc.ru

Abstract

The publication deals with the first stationary expedition of Komi ethnographer L. N. Zherebtsov, which took place in 1961. A team of two people worked in the Izhma region and collected significant material characterizing the culture and way of life of the Izhma-people in the middle of the XX century, that was included in the scientific report prepared by L. N. Zherebtsov. For the first time, fragments of this report concerning settlements, dwellings, folk clothes and food of the Izhma-people are published.

Keywords:

Lyubomir Nikolaevich Zherebtsov, ethnography, Komi, Izhma-people, traditional food, folk clothes, settlements, dwellings

ководил Л. П. Лашук [3]. После его отъезда из Сыктывкара в 1960 г. организацией и проведением экспедиционных исследований отдела этнографии и археологии Коми филиала АН СССР руководил Л. Н. Жеребцов [4].

В самом начале 1960-х гг. изменилась методика экспедиционных исследований коми этнографов. Это было связано с началом разработки новой научной темы «Изменения культурно-бытового уклада населения Коми АССР в период строительства социализма» и, в частности, с анализом перемен в культуре и быте сельского населения республики. Л. Н. Жеребцов как руководитель темы считал, что для ее выполнения, для сбора полевых материалов вместо ранее практиковавшихся маршрутных этнографических экспедиций необходимо организовывать и проводить иные – стационарные экспедиции.

Ученый объяснял такую потребность тем, что в период, когда перед коми этнографами стояли задачи «общего ознакомления с культурой и бытом населения, сбора этнографического материала по районам с целью выявления местных локальных различий для выделения этногра-

фических районов в Коми АССР», «маршрутные экспедиции обеспечивали знакомство исследователя с большим количеством населенных пунктов», «сбор материала на разных участках маршрута позволял выявлять различие в элементах культуры и проследить их переходы на протяжении всего маршрута» [5, л. 1], что, несомненно, являлось большим плюсом. Однако «краткость пребывания в одном пункте не позволяла охватить весь возможный материал со всей полнотой и глубиной» [там же]; для детального же изучения специфики того или иного этнографического района и особенно микрорайона нужны были стационарные исследования.

Л. Н. Жеребцов считал, что «изменение культуры и быта в период маршрутных экспедиций проследить трудно, так как оно во многих случаях проявляется именно только в деталях (в части материальной культуры) и в быту, изучение которого в период кратковременного пребывания в пункте совсем невозможно, поскольку мешает известная настороженность и сдержанность населения, которая исчезает, когда люди привыкают к присутствию исследователей» [там же, л. 2]. Разумеется, ученый не абсолютизировал роль стационарных экспедиций и отмечал, что они также имеют свои недостатки, в первую очередь, «узость объекта исследования – один-два населенных пункта», выводы по которым «могут не соответствовать общей картине» [там же]. Стационарные этнографические исследования, подчеркивал Л. Н. Жеребцов, следует проводить только в тщательно выбранных поселениях, характерных для того или иного этнографического района (или даже нескольких районов), причем в них должны быть отчетливо заметны происходившие в культурно-бытовом укладе изменения. Организация стационарных экспедиций отнюдь не предусматривала отказа от маршрутных исследований; напротив, Л. Н. Жеребцов полагал, что «стационарные исследования необходимо чередовать с маршрутными по тем же районам с целью выявить общие черты и тенденции развития культуры и быта в целом по району исследования», поскольку «это сделает выводы стационарной экспедиции более обоснованными», и был убежден, что «для большей эффективности исследования полезно неоднократное посещение стационара» [там же].

Первая этнографическая экспедиция стационарного типа состоялась в июне-июле 1961 г. Отряд из двух человек (Л. Н. Жеребцов и старший лаборант И. М. Паршуков, художник) работал в Ижемском районе и конкретно в селениях Ижемского куста (Ижма, Сизябск, Бакур, Мохча и Гам), выбранного руководителем экспедиции в силу того, что, по его мнению, именно здесь должен был «резче сказаться переход от подвижного, связанного с оленеводством и охотой, быта к современным условиям жизни и ведения хозяйства» [там же, л. 2, 4]. Помимо этого, в 1949 г. в этих местах уже работала этнографическая экспедиция, в которой участвовал Л. Н. Жеребцов, и можно было бы сравнить новые данные с материалами 12-летней давности, проследить произошедшие за это время изменения [там же, л. 2–3].

Этнографы прилетели из Сыктывкара в Ижму на самолете, а оттуда отправились на гужевом транспорте в Сизябск, ставший базой работы экспедиции как основной центр ижемского оленеводства; в селе размещались сельсовет и правление колхоза, объединявшего Сизябск и Бакур. Исследователи работали также в расположенных между Сизябском и Ижмой (расстояние между последними – 7 км) селах Бакуре и Мохче, посещая их пешком, и в самой Ижме [там же, л. 4].

Сбор материала проводился по широкой программе и включал в себя пополнение фондов как современных, так и дореволюционных элементов материальной и духовной культуры. Исследовались современные этнические взаимоотношения, национальный состав, брачные связи, господствующий язык в однонациональной и разнонациональной семье и т. д. Детально выявлялись особенности «старой культуры» и бытовой специфики ижемцев, в первую очередь, отношения традиционных и современных форм хозяйства. Особое внимание Л. Н. Жеребцов обращал на изучение традиционной народной пищи, утвари и различных сторон быта, так как эти вопросы (в отличие от поселений, жилищ и одежды) в предшествующей экспедиции анализировались менее обстоятельно. Проводился сбор материала о культурно-просветительной работе на селе «и ее влиянии на перестройку народной культуры и быта», выявлялась специфика культуры и быта начала 1960-х гг. «с упором, в какой мере это возможно, на изменения, происходившие» в 1920–1940-е гг. [там же, л. 3]. Осуществлялась визуальная фиксация материалов в виде фотоснимков (фотографировал Л. Н. Жеребцов) и цветных рисунков, которые выполнял И. М. Паршуков [там же, л. 3–4].

Исследователи знакомились с населением, беседовали с руководителями органов власти и управления, колхозов и других предприятий, с жителями, посещали учреждения культуры и отдельные семьи. Основные материалы, характеризующие культуру и быт ижемцев, были собраны в Сизябске и частично в Бакуре. В Ижме отряд получил материалы, «характеризующие общий подъем культуры на селе» и «данные по официальной культуре и ее влиянию на народный быт» [там же, л. 4–5]. Л. Н. Жеребцов с сожалением констатировал, что «отряду не пришлось непосредственно наблюдать быт самих оленеводов, поскольку бригады с оленями в этот период уже находились в тундре», и отметил, что «желательно повторить поездку в зимнее время, когда оленеводы возвращаются на Ижму» [там же, л. 4].

Несмотря на этот недостаток, отряд собрал значительный материал, вошедший в научный отчет об итогах этнографической экспедиции в Ижемский район Коми АССР в 1961 г., хранящийся в Научном архиве Коми НЦ УрО РАН (Ф. 1. Оп. 13. Д. 66). К отчету прилагались четыре альбома с более чем 300 иллюстрациями. Отчет был одобрен и принят отделом этнографии и археологии Коми филиала АН СССР 26 мая 1964 г.

Ниже приведены фрагменты научного отчета, касающиеся поселений и жилищ, народной одежды и пищи (там же, л. 8–21).

Л. Н. Жеребцов

Из научного отчета об итогах этнографической экспедиции в Ижемский район Коми АССР в 1961 г.

Если даже не проводить сравнение с дореволюционным материалом, а только с этнографическими данными 1942–50 гг., то и тут взгляд этнографа отмечает заметные отличия и прежде всего это широкое жилищное строительство. Правда, тип селений сохраняется прежний. Ижма, например, в основной своей части имеет уличную (состоит из 3-х улиц), а на окраинах (выселки) рядовую планировку. Так было и раньше, так остается и теперь, несмотря на то, что выселки очень сильно застроились и разраслись. Новые дома ставятся в ряды со старыми. Сизябск сохраняет беспорядочность в планировке, так же как и Бакур, и только в незначительной части этих сел вдоль тракта возникает уличное двустороннее расположение домов.

Следовательно, в изучаемом районе характерным является сохранение старого типа планировки при широком новом строительстве. Особенно нового строительства жилищ является возведение только одноэтажных домов. Наиболее распространены крестовики и пятистенки с маленькими дворами и даже совсем без дворов, такого же типа, как строятся теперь индивидуальные жилища в рабочих поселках и даже городах.

Характерны небольшие по площади приусадебные участки возле домов поэтому дома часто стоят не у дороги, а в глубине за изгородью. Новые дома в Ижме ставят уже с выходом фасада на улицу, а в Сизябске до сих пор строят кому как понравится. Везде много заборов и изгородей, но это объясняется необходимостью защиты посевов от потравы. Изгороди, как правило, из жердей. Повсюду проложены тропинки и дорожки. Они идут без всякого порядка как между изгородями, так и через них напрямую. Калиток и ворот нет. Проходы для людей закрыты турникетами, препятствующими проникновению скота. Для прохода скота участки изгороди имеют съемные прясла. Надо сказать, что летом, как правило, скот (коровы, лошади, овцы) свободно ходят по селу и ночует прямо на улицах.

Земельные участки возле домов в основном заняты картофелем. Отсутствие зернового хозяйства является причиной исчезновения амбаров, которые раньше все же встречались. Нет сейчас и погребов; их заменяют ямы в подпольях, которые тоже называются погребами. Раньше отдельные погреба были, но и тогда они назывались холодильниками. Голбцем на Ижме называют только верхнюю перестройку ведущую в подполье (так называемый на Вычегде гөбч-выл).

Зелени в селах совсем нет. С 1960 г. в Ижме заложен парк около районного дома культуры, но пока результатов нет. Значительная часть деревьев погибла. Намечено заложить парк и в Сизябске возле нового клуба, который построен на самом высоком месте села. Улицы села не замощены, но засыпаны гравием, так что даже в дождливую погоду в селе нет прежней грязи. Села стали заметно чище.

При наличии широкого нового строительства (в Сизябске с 1955 г. строится 85 домов, к 1961 г. половина из них уже заселена (и распространения новых типов жилищ внутренняя планировка сохраняется прежняя – северно-великорусская во всех новых домах. Зато изменилась обстановка помещений. Появилось очень много новых вещей. Следует сказать, что в обиходе ижемцы и прежде, даже в дореволюционное время, имелось много предметов городского обихода, хотя вероятно по заимствованным привезенным образцам. Эти старые предметы отличаются высоким качеством изготовления: гнутые ножки, резьба и т.д. Современные предметы быта просты и, как правило, они покупные (изделия районного промкомбината). Частных мастеров-мебельщиков на Ижме теперь нет.

Как правило, в доме сейчас может наблюдать собрание весьма разнокалиберных вещей и старинных, и новых и типично сельских (деревенских), и городских. Пожалуй, можно считать типичным для ижемцев загромождение комнаты всяческой, очень разнокалиберной мебелью. В домах чисто и уютно. Белых полов совсем нет, всегда покрашены. Красят белилами также и потолки. Стены оклеиваются обоями. Здесь нет метода штукатурки стен глиной, смешанной с соломой или трухой, как, например, на Удоре. На полу покупные дорожки или старые потертые клеенки. Своей тканых половиков как на Вычегде нет здесь. Попрежнему украшаются все стены группами фотографий в больших рамках, зеркалами, цветными плакатами, портретами родственников, почетными грамотами и т. д. Возле кроватей имеются кустарные рисованные коврики. Предпочитают рисунки оленей.

Характерно также наличие радиорепродукторов или приемников, патефонов (как правило, молодка имеет его в составе своего приданного), швейных ручных машин и т. д. Электричества в Сизябске пока нет и поэтому в комнатах висят лампы-молнии. В Ижме зимой имеется электричество.

В комнатах стоят красиво убранные кровати, закрытые покрывалами. На кроватях обыкновенные перьевые подушки и матрацы. Характерная для прошлого «постель» из выделанной оленьей шкуры сейчас не применяется, хотя 10 лет назад она еще была в широком употреблении. На ней спали, разложив ее на полу.

Следует упомянуть также, что очень многие старые многоквартирные дома в Сизябске сейчас превратились в квартирные: имеют от 2-х до 4-х квартир. Это произошло в результате продажи конфискованных у кулаков домов. Так, родители Филиппова Степана Ювенальевича приобрела половину дома и сейчас в ней обитают семьи Филиппова С.Ю. и его замужней сестры. В другой половине дома тоже две семьи.

В самом строительстве жилищ также наблюдаются определенные нововведения. Так, например, еще 10–12 лет назад крыши домов делались по старинному только на самцах, а сейчас уже, как правило, на стропилах. Для строительства, если дом строит сам хозяин, нанимаются два-три плотника. Им помогают сам хозяин и члены его семьи. Для своих лучших людей, главным образом, работ-

ников оленеводческих ферм, колхоз строит новые дома за свой счет. Помочей и тому подобных коллективных форм помощи застройщику здесь нет. Значительную часть работы, особенно в части внутренней отделки жилища, выполняет сам хозяин. В какой-то мере все взрослые мужчины села владеют топором. Интересен способ застекления рам. Они делаются разборные на шипах и имеют специальные пазы для держания стекла. Замазка здесь не употреблялась до последнего времени. При замене стекла необходимо разбирать всю раму. При таком застеклении будто бы не замерзают окна.

Приведем для примера описание трех жилищ. 1) Одноэтажный крестьянский дом-крестовик, построенный в 1925–30 гг. Обстановка не богатая, но в доме очень мало типичных деревенских вещей. Хотя в то же время сразу чувствуется, что живут здесь крестьяне. Стены, потемневшие от времени, не окрашены и не оклеены обоями так же и потолки. Живут в нем пожилая пара с маленькой внучкой.

2) Многокомнатный дом правления колхоза «Заветы Ильича». Можно сказать, что это восьмистенный дом. Большая часть комнат занята правлением: приемная, комната председателя, бухгалтерия, помещение сторожихи и еще трех пустых комнат (есть очень маленький двор). В канцелярии обычная канцелярская обстановка, а интерес представляет помещение сторожихи. Это фактически кухня с русской печью, которая стоит в углу у входа ведущего в сени (есть другая дверь, ведущая в комнаты правления). От печи до другой стены тянутся полаты. Пространство под полатами со всех сторон закрыто и представляет собой нечто вроде чугуна и голбца, но входа в подполье из него нет. В противоположном углу стоит кровать и дальше вдоль передней стены стол, стулья и в углу у входа хозяйственный столик. Дом этот построен после 1930 г.

3) Старинный двухэтажный дом, построенный примерно лет 80 назад, то-есть в последней четверти XIX в. Так примерно и должно быть. Это был дом богатого оленевода. После конфискации и продажи принадлежит теперь двум хозяевам. Он обшит досками и покрашен серой краской (за истекшие годы краска выцвела). Между срубом и обшивкой имеется значительное пространство, заполненное соломой, сенной трухой и тому подобным материалом (в некоторых подобных домах сделана только по фасаду, а в боковых стенах оставлено пустым).

В то же время строители стремились, чтобы обшивка и стена представляли собой как бы единство и поэтому косяки и подоконники делались очень широкими, так что возникает впечатление, что дом имеет стены не менее 40 см толщиной, хотя на деле толщина бревен сруба всего 20–25 см. Дой многокомнатный. Вход с боку в обеих сторонах. Имеет двухэтажный двор. В хлев есть вход из нижнего этажа, а в сарай из второго. Может быть дом и делился раньше на летнюю и зимнюю половины, но, видимо, это было чисто формально, потому что между обоими половинами были двери, связавшие как кухни, так и комнаты между собой. Сейчас эти двери закрыты, потолки и полы покрашены. Типично крестьянские черты резче проявля-

ются в кухнях, где передний угол оформлен переносными скамьями, есть ввинченные в потолок кольца для подвешивания люльки (потан), которая обычно держится на березовой жерди.

Русские печи стоят или вплотную к стенам в самом углу, или отступая от стен и тогда в образовавшемся пространстве устраиваются чуланы, умывальники или лестница на второй этаж. В комнатах печи только голландские. В соседнем доме нами обнаружена своеобразная печь, видимо, голландского же типа, но очень широкая, обогревающая две, даже три комнаты сразу. Отдельные ее стороны выведены в соседние комнаты.

Очень типичны сундуки с одеждой самого различного размера от небольших до огромных 90 x 80 x 150 см. Мебель весьма разнокалиберная. Есть старинные вещи: столы, стулья, диваны, кресла и шкафы. Как правило, все они на гнутых ножках, а шкафы с застекленными дверцами, украшенными резьбой с изображением креста. На окнах цветы и занавески (характерно для местных дух этажных домов – наличие мелких окон внизу в кухне и более высоких в комнате). Полы застелены покупными дорожками и старыми клеенками.

Деревянных кроватей нет. Вместо них приобретаются никелированные. Причем кроватей очень много, так никто не хочет спать на полу. Кровати красиво убраны: покрывала, подзоры, накидки, настенные коврики и т. д. Если в доме имеются старики и старухи, то тогда во всех углах висят иконы по одной-три штуки. Больших иконостасов нет.

Описанные дома не являются единственными типами жилищ Сизябска, но они очень характерны для старого и нового строительства. Типичной является описанная меблировка и внутреннее убранство дома.

Иные черты характеризуют народную одежду. 10–12 лет назад исследователи отмечали, что старый комплекс одежды у ижемцев отошел полностью, что некоторые предметы исчезли совсем, другие хранятся в сундуках, третьи бытуют в сильно измененном виде и только у пожилых людей, а молодежь полностью перешла на одежду городского типа. Среди исчезнувших указывались различные шубы (кузьпась, дженидпась, бабамалица), кафтаны, различные головные уборы и даже сарафаны.

Выяснилось в период настоящей экспедиции, что дело обстоит несколько иначе. Действительно, ряд элементов народной одежды исчез из избы. Это в частности относится к перечисленным выше предметам зимнего обихода и некоторым головным уборам, таким как юрной и ѓшувка. Наоборот, бабаюр до сих пор употребляется. Ее носят не только старухи, но и молодые женщины 25–30 лет. Однако, как правило, лишь в тех домах, где большое влияние в семье имеют старухи.

Также не исчезнувшей формой является сарафан, причем не того измененного вида, который описан 10–12 лет назад, более узкий и короткий, а обычного типа круглый и весьма широкий ижемский сарафан (по подолу диа-

метр его около двух метров). Нами зарисованы сарафаны, шитые в 1959–60 гг. Можно полагать, что здесь мы имеем известное возвращение к старым фасонам одежды. Возможно, вследствие их яркости и красочности. Несомненно сказались и подъем благосостояния местного крестьянства.

Надо сказать, что шить сарафаны теперь умеют далеко не все и старухи-специалистки шьют на заказ. Совершенно исчезла мода носить по несколько юбок сразу, но для пышности под сарафан всегда надевается одна нижняя юбка. В повседневной одежде и теперь часто употребляются кофты и юбки или более узкие сарафаны. Широкие надеваются по праздникам и торжественным дням. Сарафаны очень яркие, но одноцветные. Кофты надевают поверх сарафанов, особенно в повседневной жизни. Покрой этих кофт сохранился, видимо, еще от I четверти XX в., если не раньше.

Для ношения под сарафаном сохраняются также старинные типы кофт: сос и японка. Первая в литературе уже описана. Сос имеет длинные и узкие рукава с большими обшлагами, узкий стоячий воротник и плечевые вставки из парчи. Также, как и другие виды кофт, и сос, и японка имеют полный грудной разрез. Японка имеет свой особый покрой. У нее широкие полудлинные рукава (в основном до локтя) и большой отложной воротник сзади напоминающий матросский. Ни листовку, ни каких иных плечевых вставок она не имеет.

Как правило, на молодежь этот обычай ношения старых типов одежды не распространяется. Они носят обычное и типичное городское платье, сшитое на месте или приобретенное готовым в магазине. Только после замужества в зависимости от того, какое влияние имеет свекровь в семье, молодая или надевает бабаюр и сарафан, или продолжает носить современные одежды.

У мужчин элементов старой одежды не сохранилось за исключением изделий из оленьих шкур. Впрочем, эти вещи типичны и для женщин и для детей. Главным образом имеется в виду малица. Она является лучшей и основной одеждой в зимнее время. Население предпочитает ее всем другим видам зимней одежды. Но в последнее время жители испытывали трудности в их изготовлении вследствие сокращения поголовья оленей. Шить малицы умеют далеко не все. В селе только несколько старух являются мастерами этого дела и шьют на заказ всем желающим. Мужские малицы от женских отличаются своим узором на подоле и покрытием, рубашкой (кышед). Малицу каждого владельца, как минимум, должно быть две – повседневная более поношенная, с кышед из простой тонкой материи и выходная праздничная – новая, белая, имеющая больше украшений по подолу и яркий шелковый кышед.

По-прежнему очень распространены крупные шелковые цветастые шали с кистями, ярких расцветок. Большим уважением пользуется обувь из оленьих шкур. Но и ее имеется недостаточно. Как правило, шитье обуви и одежды начинается после возвращения оленеводов с кочевки, так как они привозят заготовленные за лето шкуры. Запасов же материалов обычно ни у кого нет. Обувь, как и малицы,

шьют не все. Имеется также несколько специалистов. Эти старухи шьют все виды обуви из меха: и домашние туфли (чуняки), и бурки и пимы. На все эти изделия требуются различные сорта шкуры, но в основном вся она должна быть с коротким жестким ворсом. У тех же, у кого нет возможности пользоваться изделиями из оленьих шкур, приобретают обычную обувь в магазинах сельпо.

На Ижме очень мало распространено ношение вязаных шерстяных узорных чулков. Видимо, их заменяют меховые чулки (липты), когда это бывает нужно. Если и встречаются вязаные чулки, то почти или вовсе без узоров или украшенные несколькими рядами цветной шерсти. Могут их носить и мужчины, и женщины и разница только в ширине цветных полос. У женщин они более разноцветные и сами они пошире, чем у мужчин. Очень редко можно видеть действительно узорные чулки, но они, как правило, или очень старые уже, или привозные. Эти чулки на Ижме носят поверх брюк и если в сухое время, то вместо обуви употребляют домашние туфли (чуняки), а не калоши, как это делается на Вычегде. Причем носят их только мужчины, особенно, которые помоложе.

Гораздо разнообразнее и богаче стала народная пища. Наряду с сохранением традиционных блюд появилось много новых. Однако весьма характерным следует считать именно сохранение традиций и в области заготовки пищи, и ее хранение, и в приготовлении кушаний и т. д.

Так, например, попрежнему, большим спросом пользуется оленье мясо. И население очень переживает, что его недостаточно. Употребляют его и в сыром, и в вареном виде. Хранили обычно мороженным или мало соленным. Мороженая оленина, наструганная тонкими ломтиками, считается деликатесом и подается в качестве закуски (строганина). Оленину, как и другое мясо, сейчас население получает через колхоз. Кроме того. Говядину и баранину дает колхозникам личный скот. Мясо идет на изготовление первых и вторых блюд. Других способов заготовки мяса впрок ижемцы не знали. Нет их и сейчас.

Широкое употребление имела и имеет также рыба. Ее употребляют в свежем, мороженном и соленом виде. Наиболее употребительная соленая, а именно малосоленая рыба, так называемого «печорского засола». Этот способ уже неоднократно описывался в литературе. Рыба не столько солится, сколько киснет. Она отличается резким запахом. Поскольку население признает только этот засол, то и сельпо заготавливает именно такую рыбу. Покупают ее очень охотно. Свежую рыбу зимой хранят замороженной. Очень распространена на Ижме ловля мелкой рыбешки. Летом женщины (обычно четверо старух) проходят с бреднем из мешковины вдоль берега и через 1,5–2 часа все четверо имеют по ведру мальков. Их чистят и давят (тоены), сушат и в таком виде сохраняют. Соленую и мороженую рыбу едят и сырой, но главным образом она идет для приготовления первых и вторых блюд: ухи, жарких и рыбных пирогов.

Кроме мяса и рыбы широко используются различные молочные продукты. Характерно отсутствие овощей. До сих пор они почти не употребляются, так как крестьяне их не выращивают. Но объясняется это только старыми традициями, которые утверждают, что на Ижме овощи не будут расти. Однако это убеждение ошибочно. На грядках у местной интеллигенции прекрасно растут различные овощи. Какого-либо предубеждения против овощей у ижемцев сейчас нет. Когда в сельпо привозят помидоры, то их покупают очень охотно. Капусту желающие приобретают у колхоза. Свежей ее хранить трудно, поэтому, капусту разрезав на части и сварив, солят. Зимой соленая капуста замораживается, так что при подаче на стол ее приходится оттаивать. Никакой иной обработки ее не бывает. Вошел в употребление картофель. Его сейчас кладут в суп, вместо муки, которая прежде служила заправкой. К соленой сырой рыбе подается горячий картофель в мундире. Однако специальных блюд из картофеля до сих пор почти не готовят.

Широко применяется еще в 1950–51 гг. такие традиционные супы, как пустовар и т. д., сейчас вышли из употребления. Для пустовара вначале кипятили посоленную воду и затем кипятком заправляли мукой. Не встречались нам и также «Юм» – сладкая каша из проросшей ржи с черемухой и многие другие из старинных блюд. По-прежнему мало собираются грибы. Из всех их видов берутся только белые и подосиновники. Эти грибы для сохранения иногда сушат, но чаще их только проваривают в соленой воде и в этом растворе хранят. В таком виде их и подают на стол. Ягод собирают много и сохранение их более разработано. Известные сушки, мочение, морожение и парение.

Не распространено сейчас стряпание хлебных изделий. Печеный хлеб покупают в магазинах. Но это произошло не потому, что народ не заинтересован в домашнем хлебопечении, а потому, что мало в продаже муки. Во всяком случае на праздники хозяйки сами стряпают различные шаньги, пироги и обязательно рыбники. Ижемцы – большие любители чая. Причем лучшим у них считают индийский сорт. Очень ценится лимон к чаю.

Посуда и утварь в хозяйстве ижемцев более разнообразна, чем в более южных районах. В каждой семье обязательно есть один-два самовара, набор чайной посуды, чайники. Изделия из фаянса хранятся в шкафах, за стеклом. Как правило, у ижемцев нет самодельной посуды. Они и прежде мало занимались ее изготовлением, предпочитая покупать готовую фабричную. Самодельная посуда и утварь сохраняется сейчас только в обиходе оленеводов-пастухов. Но и у них в основном только берестяные и драночные предметы: туисы, куд и т. д. В столовой по-

суде ижемцы находят применение даже вилкам, которые, как правило, в деревнях коми не употребляются.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники

1. Жеребцов, И. Л. Дороги этнографа Любомира Жеребцова / И. Л. Жеребцов // Жеребцов Л. Н. Дороги этнографа. – Сыктывкар, 2005. – С. 3–65.
2. Белицер, В. Н. Очерки по этнографии народов коми: XIX – нач. XX в. / В. Н. Белицер. – М., 1958. – 391 с.
3. Жеребцов, И. Л. Этнограф Л. П. Лашук (биографический очерк) / И. Л. Жеребцов // Очерки по истории изучения этнографии коми / отв. ред. И. Л. Жеребцов. – Сыктывкар: Кола, 2007. – С. 108–119.
4. Савельева, Э. А. Любомир Николаевич Жеребцов / Э. А. Савельева // Очерки по истории изучения этнографии коми / отв. ред. И. Л. Жеребцов. – Сыктывкар: Кола, 2007. – С. 125–129.
5. Жеребцов, Л. Н. Научный отчет об итогах этнографической экспедиции в Ижемский район Коми АССР в 1961 году / Л. Н. Жеребцов // Научный архив Коми научного центра УрО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 66. 47 л.

References

1. Zherebtsov, I. L. Dorogi etnografa Lyubomira Zhgeretsova [Roads of the ethnographer Lyubomir Zhgeretsova] / I. L. Zherebtsov // Zherebtsov L. N. Roads of the ethnographer. – Syktyvkar, 2005. – P. 3–65.
2. Belitzer, V. N. Ocherki po etnografii narodov komi: XIX-nach. XX v. [Essays on the ethnography of the Komi peoples: XIX – beginning of the XX century] / V. N. Belitzer. – Moscow, 1958. – 391 p.
3. Zherebtsov, I. L. Etnograf L. P. Lashuk (biograficheskii ocherk) [Ethnographer L. P. Lashuk (biographical sketch)] / I. L. Zherebtsov // Essays on the history of the study of Komi ethnography / Ed. I. L. Zherebtsov. – Syktyvkar: Kola, 2007. – P. 108–119.
4. Savelyeva, E. A. Lyubomir Nikolaevich Zherebtsov / E. A. Savelyeva // Essays on the history of the study of Komi ethnography / Ed. I. L. Zherebtsov. – Syktyvkar: Kola, 2007. – P. 125–129.
5. Zherebtsov, L. N. [Scientific report on the results of the ethnographic expedition to the Izhma region of the Komi ASSR in 1961] / L. N. Zherebtsov // Scientific Archive of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. F. 1. Op. 13. D. 66. 47 L.

Благодарность (госзадание):

Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН.

Acknowledgements (state task):

The publication was prepared within the frames of the implementation of the state task of the Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS.

Информация об авторе:

Жеребцов Игорь Любомирович – доктор исторических наук, директор Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, ORCID: 0000-0002-7115-4547 (167023, Российская Федерация, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: zherebtsov@mail.illhkomisc.ru).

Author:

Igor L. Zherebtsov – Dr. Sci. (History), Director of the Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences, ORCID: 0000-0002-7115-4547 (26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar 167023, Russian Federation; e-mail: zherebtsov@mail.illhkomisc.ru).

Для цитирования:

Жеребцов, И. Л. Первая стационарная этнографическая экспедиция Л. Н. Жеребцова (Ижемский район, 1961 год). К 100-летию со дня рождения ученого / И. Л. Жеребцов // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2025. – № 8 (84). – С. 130–136.

For citation:

Zherebtsov, I. L. The first stationary ethnographic expedition of L. N. Zherebtsov (Izhma region, 1961). Dedicated to the 100th birth anniversary of the scientist / I. L. Zherebtsov // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "History and Philology". – 2025. – No. 8 (84). – P. 130–136.

Дата поступления статьи: 07.10.2025

Прошла рецензирование: 10.10.2025

Принято решение о публикации: 17.10.2025

Received: 07.10.2025

Reviewed: 10.10.2025

Accepted: 17.10.2025